

Выигрывать главные битвы

Евгений Петрович Бужинский, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Цentra

*Потомственный военный, человек, побывавший по долгу службы во многих регионах и горячих точках мира, опытный переговорщик, работавший над Соглашением об адаптации ДОВСЕ, руководитель Международно-договорного управления Министерства обороны России, при котором между США и Россией был подписан Договор СНП – сегодня в рамках проекта «Без Галстука» мы беседуем с членом Экспертно-консультативного совета ПИР-Цentra, генерал-лейтенантом Евгением Петровичем **Бужинским**. О своих корнях, интересных моментах профессиональной деятельности, любимой семье и жизненных принципах Евгений Петрович рассказал нам как настоящий военный – искренне и без прикрас.*

О своем выборе не жалею. Наверное, самое яркое впечатление моего детства, которое в определенной степени повлияло на выбор военной профессии, это присутствие на командном пункте командира дивизии в ходе полковых учений, куда меня, десятилетнего мальчишку, тайком (но, конечно, с разрешения своего друга комдива) привел мой отец. Картина реального боя произвела на меня сильное впечатление. Вообще, отец был для меня примером во всем. Главное, чему он меня научил – терпеливо преодолевать возникающие на жизненном пути трудности и *не поддаваться унынию в случае неудач*.

Отучившись в школе четыре класса, я поступил в Московское суворовское военное училище, где провел семь, наверное, одних из лучших, лет своей жизни. Учитывая то, что я родился в семье военного (мой отец – военный врач, дед – тоже военный врач, генерал-майор медицинской службы, после войны – начальник Главного военного госпиталя им. Бурденко), мой жизненный выбор, очевидно, был предопределен – тем более, что в начале 60-х годов, когда я поступал в училище, профессия военного была очень престижной. Было место и романтике, ведь я начинал службу в военной разведке, где прослужил семнадцать из тридцати пяти лет в офицерском звании. А где разведка, особенно в молодости, то там всегда романтика. Что удивительно, это то, что я не стал врачом, так как все мои ближайшие родственники –

отец, мать, дед, бабушка – все были врачами.

Впоследствии о своем выборе я не жалел, хотя в 90-е годы служить стало очень трудно (и в плане материальном, и, что особенно тяжело, в плане моральном). Тем не менее, *из армии я не ушел и об этом ничуть не жалею*. Надеюсь, что в России все в конце концов вернется на круги своя и российское офицерство, как это было на протяжении веков, вновь станет гордостью государства. Тем же молодым людям, которые решились пойти по этому трудному пути, я мог бы дать один главный совет – связывайте свою жизнь с армией только в том случае, если вы действительно хотите послужить своему Отечеству.

Об индийцах, китайцах, арабах. Переговоры, рабочие командировки, особенно длительные – они носят прицельный характер – требуют тщательной и многосторонней подготовки, потому что сулят взаимодействие с другими культурами, которые отличаются своими обычаями, нравами. Успех и необходимый результат во многом зависят от незначительных на первый взгляд нюансов. Всегда нужно помнить, что работа с западными специалистами отличается от работы с восточными, а ведение переговоров с китайцами отличается от

переговоров с арабами или индийцами. Помню, был один случай: на переговорах с индийской делегацией мой коллега назвал сикха «индусом», намереваясь, конечно, отметить юридическую связь с Индией, а вовсе не религиозную принадлежность. Этот инцидент вызвал некоторую обиду среди индийских коллег, однако неприятность удалось уладить, и этот случай не перерос в конфликтную ситуацию. Работая с китайскими экспертами и дипломатами, стоит всегда помнить, что никогда нельзя сразу переходить к деловой части сделки – это может быть воспринято как некультурное и невоспитанное поведение – всегда стоит начать с дружелюбно-философского разговора о жизни или семье. Если с китайцем начинать сразу говорить о делах, т.е. по-русски «брать быка за рога», успеха достичь не удастся. Поэтому я всегда много читаю соответствующей литературы перед поездкой, общаюсь со специалистами по той или иной стране.

Компромисс – основа всего. Особенность переговоров по контролю над вооружениями заключается в том, что вопрос компромисса – это вопрос национальной безопасности. Любые переговоры строятся на компромиссе, не получится достичь взаимовыгодного результата без уступок: в чем-то уступаем мы, в чем-то уступают нам. Конечно, могут быть какие-то принципиальные вопросы, есть первая позиция, есть запасная. Бывают случаи, когда компромисс может быть в какой-то степени «однобоким», как было при подписании Договора по РСМД в 1987 г., период Горбачева – Шеварднадзе, когда мы пошли на уступки, и сокращения проводились в одностороннем порядке. В крайне редких случаях бывает, когда решение «спускается сверху» – так было на переговорах в Стамбуле в отношении Соглашения об Адаптации ДОВСЕ. Для нас была принципиальна Статья V. о фланговых ограничениях, однако поступило указание Президента этот вопрос на переговорах не поднимать.

Личная дипломатия. Успешность переговоров также зависит от личного фактора – всегда влияет то, насколько хорошие отношения со своим визави и при хороших связях позитивное разрешение дел гораздо вероятнее. Отсутствие же личного контакта со своим визави может порой приводить к тупиковым ситуациям или не давать никакого результата. Например, Анатолий Антонов, когда возглавлял переговоры по СНВ-3, имел хорошие профессиональные отношения с Розой Готтемюллер. При переговорах по ДОВСЕ, в которых я участвовал вместе с Александром Грушко, мы имели хороший установленный контакт с нашим визави, поэтому удалось быстро и эффективно достигнуть общего понимания проблем, противоречий, чего хочет одна сторона и что кого не устраивает. Личный контакт, личная дипломатия помогают, чтобы «лед тронулся» и работа пошла продуктивнее и качественнее.

О физике и математике. Интересный случай заставил задуматься о различии взглядов и подходов российских и американских экспертов. На протяжении 6 лет, начиная с 2002 г. возглавлял российскую сторону рабочей группы по противоракетной обороне. Вопрос ПРО продолжает быть актуальным и в настоящее время, а тогда он стоял крайне остро. В то время я работал с директором агентства ПРО генералом Генри Оберингом. Российская сторона, основываясь на результатах моделирования, пыталась убедить американскую группу, что нашим системам сдерживания есть внешняя угроза, а они, наоборот, пытались доказать, что угрозы нет. После событий в Грузии деятельность рабочей группы прекратилась, и на одном из финальных заседаний я поделился своими выводами о совместной работе: «После 6 лет работы с вами, американцами, я понял, что у нас с вами разная физика, разная математика и разное представление о форме Земли, потому что мы моделировали одно и то же, а результаты получили совершенно разные: наше моделирование показывает, что перехват возможен, а ваше моделирование показывает, что перехват невозможен».

Во главе Международно-договорного управления. Одним из сложных моментов во время моего руководства МДУ Министерства обороны России был Московский Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Казалось бы, и договор не договор в классическом понимании (две страницы текста и две цифры), а сколько было страстей вокруг него! Во-первых, это был первый и единственный юридически обязывающий документ, на

который пошел президент Буш после официально заявленной позиции республиканцев: более никаких ограничений на вооруженные силы США. Во-вторых, временные рамки его согласования были заданы очень жесткие – всего четыре месяца. И, в-третьих, вопреки всем канонам, ведение переговоров было фактически возложено на военные ведомства России и США. И, конечно же, задача была поставлена однозначно – договориться.

Кстати говоря, с ПИР-Центром я также познакомился, как говорится, *по служебной необходимости*, во время работы в Министерстве обороны. Считаю ПИР наиболее авторитетной НПО в разоруженческих вопросах. Особенно ценно, что в последние годы ПИР значительно расширил сферу своих интересов, включив в них другие вопросы, помимо ядерного нераспространения.

Здоровое честолюбие необходимо. Наверное, самой ценной для меня является моя первая государственная награда – медаль «За боевые заслуги», которую я получил за работу бортпереводчиком военно-транспортной авиации в период арабо-израильской войны в октябре 1973 года. С экипажами витебского и ивановского полков ВТА я совершил тогда девять полетов в районы боевых действий. Профессионально мне дорог орден «За военные заслуги», который я получил за работу над Соглашением об адаптации ДОВСЕ в 1999 году в качестве руководителя военной части российской делегации. Убежден, что без здорового честолюбия и стремления сделать карьеру, получить более высокое звание – служить бессмысленно.

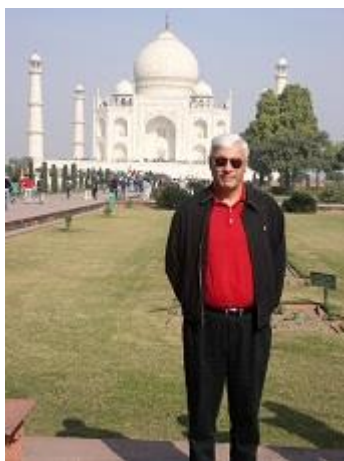
О великих полководцах. Мне наиболее симпатичны А.В.Суворов и Г.К.Жуков, хотя и в их полководческих карьерах есть «битвы», которые восхищения вызывать не могут. Что касается, например, Наполеона, то, с одной стороны, он провел самое большое количество сражений в истории военного искусства и подавляющее большинство из них выиграл. С другой стороны, свою главную битву он проиграл. Если ты военный гений, то обязан главные свои битвы выигрывать. Суворов и Жуков, по крайней мере, свои главные битвы выигрывали.

После Тулона Бонапарту представился случай сделать стремительную карьеру, сделавшись из капитана бригадным генералом. Но такие метаморфозы случаются только в смутные переходные периоды революций либо в ходе войн. Я предпочитаю нормальный эволюционный путь, без потрясений. Моя военная карьера складывалась поступательно, хотя, конечно, определенные взлеты и падения в ней присутствовали.

Любимая жена и семья. Мы с женой уже вместе тридцать девять лет. Познакомились мы банально, на юге в Судаче, где и она, и я проводили свои студенческие каникулы. Она выпускница МГТУ им. Баумана, хотя, выйдя замуж за военного, да еще *разъездного*, вынуждена была отказаться от карьеры в КБ Королева, куда ее распределили после института, и подстроиться под меня, за что я ей очень благодарен. Мы с женой кошачники, обожаем этих очень умных и независимых животных. Хотя в настоящий момент любимца у нас нет, так как последняя любимица умерла несколько месяцев назад. Как только переживания улягутся, обязательно заведем себе нового. У нас есть дочь, которая после окончания МГУ поработала в МИДе, в том числе в длительной командировке в США, сейчас работает в ОАО *Лукойл*. Внуку Даниле в декабре исполнится восемь лет. Хорошую семью, наряду с успешной военной карьерой, я считаю главным достижением своей жизни.

Музыка, кино, книги. Я люблю хороший джаз, хорошую эстраду, из классики – Чайковский и Верди. Почему? Объяснить не могу: нравится и все. Самый правдивый фильм о военных, как это ни банально звучит, - фильм «Офицеры». Не даром его так часто демонстрируют. В современном кинематографе, по моему глубокому убеждению, правдивых фильмов нет. Вся та чернуха, которая выдается за правдивое отображение жизни армии, чернуха и есть. Если правдивостью считать *боевой натурализм*, то такие фильмы есть. Что касается книг, то в юности я мог наизусть цитировать большие отрывки из «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» Ильфа и Петрова. Люблю Диккенса, Драйзера, Цвейга, Булгакова и, конечно, Пушкина. Вообще, в свободное время я предпочитаю почитать хорошую книгу, посмотреть хороший фильм, просто погулять. В свое время увлекался филателией, собрал приличную коллекцию марок, но так сложились обстоятельства, что вынужден был с ней расстаться. С тех пор ярко выраженного хобби не имею.

Прошлые и будущие путешествия. За последние пятнадцать лет в силу служебной необходимости я объездил практически весь мир. Время, проведенное в самолетах, исчислению не поддается. Поэтому в ипостаси простого туриста никогда не был. Хотя сейчас, когда свободного времени стало побольше и появилась возможность иметь нормальный отпуск, очевидно, начну путешествовать. В мире столько мест достойных посещения, что порекомендовать что-то очень трудно. Хотя думаю, что каждому надо хотя бы раз в жизни побывать в Китае и Индии, просто прикоснуться к тысячелетней истории. Кстати, я очень люблю острую восточную кухню.

Что я ценю в людях? Как это ни банально звучит, честность и порядочность. Терпеть не могу вранья и подлости.

О просветительно-образовательной деятельности. С 2010 г. занимаюсь преподавательской деятельностью: читаю лекции в рамках Международной школы ПИР-Центра, а также веду курс для магистерской программы двойного диплома с Миддлберийским институтом международных исследований, поскольку полагаю, что человек, который всю жизнь занимался умственным трудом, быстро деградирует, а это сказывается на общем самочувствии, поэтому всегда нужно быть в тонусе. В своей преподавательской деятельности придерживаюсь принципа: «Если человек хочет усвоить, он усвоит», поэтому своей главной задачей считаю помочь тем, кто заинтересован, и не создавать дополнительных сложностей тем, кто осознал, что контроль над вооружениями это «не его».

Совет будущим международникам. Специалист международник – это специалист широкого профиля, который должен в совершенстве владеть материалом не только по своей теме, но и знать все остальное за ее пределами. Это умение ярко проявляется во время переговоров. Помню, на переговорах по ДОВСЕ российская делегация состояла из четырех человек, которые знали все по всем темам, а американская – из 20 специалистов по узким вопросам. В этом отличие российской/советской и американских школ. Широкий кругозор – это наследие советской системы образования, которой в современных российских реалиях решили пренебречь, что было, на мой взгляд, серьезной ошибкой. Человек должен быть широко образован и готов ко всему. Особенно международник.

Интервью подготовил научный сотрудник ПИР-Центра Александр Колбин.